

Л. М. И в ш и н, Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII — первой половине XIX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Ижевск 2009. 189 с.

28 мая 2009 года в Удмуртском государственном университете состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук Леонида Михайловича Ившина. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор А. Ф. Шутов (Ижевск) и кандидат филологических наук доцент О. А. Сергеев (Йошкар-Ола).

Исследование Л. М. Ившина имеет целью изучение становления и развития графики и орфографии памятников удмуртской письменности XVIII — первой половины XIX века. Автор ставит перед собой следующие задачи: описание исторических причин и условий появления удмуртских письменных памятников; подробный графический анализ каждого из них и установление определенных принципов правописания; исследование развития удмуртской графики и орфографии рассматриваемого периода; анализ языковых особенностей этих памятников (с. 7—8).

Источниковедческие проблемы всегда представляли и представляют огромный интерес для лингвистики, поскольку исследование формирования и развития литературного языка невозможно без анализа всех известных письменных памятников доре-

волюционного периода, которых по удмуртскому языку, по данным Б. И. Каракулова, насчитывается свыше 400 наименований.

Памятники письменности удмуртского языка были объектом исследования в монографии известного специалиста Т. И. Тепляшиной «Памятники удмуртской письменности XVIII века» (Москва 1965), где дана характеристика десяти письменных памятников двухсотлетней давности. В данной работе Л. М. Ившин, учитывая достижения современного финно-угроведения, в частности удмуртоведения, значительно углубил анализ графических и орфографических особенностей этих же памятников, к отдельным высказываниям автора он отнесся критически. Кроме того, Л. М. Ившиным введены в научный обиход и довольно подробно изучены еще 11 памятников XVIII — XIX веков, т. е. дан анализ 21 памятнику удмуртской письменности, причем в основе 16 памятников лежит кириллический алфавит, а пяти — латиница. Аналитическое описание системы графики памятников очень удачно дополняется обобщающими таблицами, иллюстрирующими соотношение между удмуртскими фонемами, с одной стороны, и графическими знаками и/или их сочетаниями, с другой.

В работе впервые поставлена проблема орфографии в ранних письменных памятниках удмуртского языка, впервые сделана попытка выявить определенные закономерности в написании удмуртских слов и форм средствами заимствованной графики. При этом автор обращает внимание на то, что отдельные принципы орфографии заимствованы из русского языка, и они, сохраняясь и уточняясь от памятника к памятнику, дошли до наших дней.

Л. М. Ившин хорошо и практически владеет всеми последними разработками, связанными с изучением и вводом в научный оборот материалов письменных памятников. По теме исследования им опубликовано 30 работ.

Несмотря на то, что внимание автора сосредоточено в основном на материале удмуртского языка, результаты работы могут представлять интерес и для исследователей других финно-угорских языков.

Автор справедливо считает, что объективную картину становления современной удмуртской графики и орфографии может дать лишь аналитическое исследование каждого из изданий на удмуртском языке. Решение поставленной цели осуществлено на основе значительного количества рукописных словарей, словариков, грамматик и печатных книг XVIII — первой половины XIX века. В их числе такие уникальные памятники, как лингвистические материалы Д. Г. Мессершмидта, Ф. Й. Страленберга, Г. Ф. Миллера, Й. Э. Фишера, П. Фалька, грамматика М. Могилина, словарь З. Кротова, рукописные удмуртско-русские, русско-удмуртские словари, первая грамматика удмуртского языка «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка», переводы Евангелий и Азбуки на глазовском и сарапульском диалектах. Л. М. Ившин успешно справился с поставленными задачами. Используемые в работе методы отличаются новизной, анализ языкового материала логичен и последователен в изложении.

Композиционно работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений, списка источников, библиографии; в качестве приложений представлены ксерокопии (по одной странице) трех рукописных памятников удмуртской письменности первой трети XIX века. Список использованной литературы содержит 148 названий.

Во введении (с. 6—16) аргументированно обосновывается выбор темы, определяются цель и задачи исследования, описываются принципы и методы, источники работы, а также отмечаются ее новизна, теоретическая и практическая значимость. Дается историографический обзор изучения графики и орфографии удмуртских памятников письменности исследуемого периода. Социально-политические предпосылки появления памятников ранней удмуртской письменности, по мнению Л. М. Ившина, обусловлены тремя факторами: 1) политикой культурного развития страны, 2) идеей составления «Сравнительного словаря всех языков и наречий» под редакцией П.-С. Палласа и 3) деятельностью христианской церкви. Автором верно отмечено, что памятники удмуртской письменности XVIII — первой половины XIX века анализировались до сих пор недостаточно. Исследователи, специально или попутно рассматривая ранние издания на удмуртском языке, уделяли больше внимание диалектным и отчасти графическим особенностям памятников, орфография же изучалась мало.

В первой главе «Памятники удмуртской письменности XVIII века, написанные на основе латиницы» (с. 17—48) рассматриваются вопросы, связанные с временем возникновения письменности у удмуртского народа, историей изучения удмуртской графики и орфографии, а также с точки зрения графической и орфографической систем анализируются памятники, составленные на основе латиницы: материалы Д. Г. Мессершмидта, Ф. Й. Страленберга, Г. Ф. Миллера и Й. Э. Фишера. Возникновение

удмуртской письменности автор связывает с 1726 годом, когда удмуртские слова впервые были зафиксированы средствами латинской графической системы в рукописи данцигского врача Д. Г. Мессершмидта.

Исследуя историю изучения удмуртской графики и орфографии, Л. М. Ившин приходит к выводу: работы, посвященные исследованию особенностей передачи удмуртских фонем средствами заимствованной графической системы и принципов написания слов в письменных памятниках, не дают подробной картины развития удмуртской графики.

Проанализировав словарь Д. Г. Мессершмидта, список слов Ф. Й. Страленберга, «лингвистический отчет» Г. Ф. Миллера, «Вокабуляр Сибири» Й. Э. Фишера и перевод молитвы «Отче наш» на удмуртский язык, автор констатирует, что для записи удмуртских слов эти исследователи применили немецкую графическую и отчасти орфографическую систему. Замечено им и применение большого количества графических знаков для обозначения специфических фонем удмуртского языка, что объясняется стремлением составителей максимально точно передать услышанные звуки, отсутствующие в немецком языке.

Вторая глава «Памятники удмуртской письменности на основе кириллицы (XVIII — первая половина XIX века)» (с. 49—119) состоит из шести разделов. В ней подробно анализируются особенности графики и орфографии письменных памятников удмуртского языка XVIII века (списки слов, словари, первая удмуртская грамматика, удмуртско-русский словарь З. Кротова, грамматика М. Могилина) и первой половины XIX века (рукописи различных списков слов, словарей, первые печатные переводы книг Священного писания на удмуртский язык и азбуки на глазовском и сарапульском наречиях удмуртского языка).

Л. М. Ившиным уделено большое внимание первой печатной грамматике удмуртского языка 1775 года «Сочинения принадлежащая къ грам-

матикѣ вотскаго языка», в которой на основе русской графики и орфографии был запечатлен большой лексический и, в некоторой степени, грамматический материал. Графическая система и орфография этой грамматики, полученная от русского языка XVIII века, оказала определенное влияние на традиции буквенного обозначения удмуртских фонем в более поздних рукописных и печатных памятниках.

Достоинством работы является и то, что в ней представлены и довольно подробно проанализированы материалы малоисследованных рукописных памятников удмуртского языка первой трети XIX столетия: «словаря языка вотяков» 1816 года, «словаря языка вотского» 1820 года и пятиязычного («русско-пермяцко-зырянско-вотяцко-чувашского») словаря 1833 года. Автор замечает, что обозначение удмуртских звуков буквами русского алфавита в этих памятниках далеко не последовательно. Так, для специфической фонемы *ö* Г. Ф. Миллер и П.-С. Паллас применили четыре способа (*e, э, ю, у; e, э, ы, o*). В списке слов П. Фалька и первых удмуртских стихотворениях этот гласный звук обозначен двумя знаками (соответственно *o, e; e, э*). Трудным для передачи был также гласный *i*: Г. Ф. Миллер использовал для него пять букв и одно буквосочетание (*ы, и, ю, e, a, уи*), П.-С. Паллас и П. Фальк — две разные буквы (*ы, и*). Разнообразие наблюдается и в передаче звонкой удмуртской палатальной аффрикаты: в материалах Г. Ф. Миллера — четыре способа (двумя буквами: *з, ч* и двумя буквосочетаниями: *дз, дж*), в словарице П.-С. Палласа — три способа (*дз, з, дж*).

Что касается переводных памятников, автор отмечает, что удмуртская часть максимально приближена к первоисточнику, т. е. предложения очень часто переведены дословно с соблюдением порядка слов оригинала. Однако в книгах «по сарапульскому» диалекту перевод осуществлен на более высоком уровне: конструкции в удмуртских предложе-

ниях в основном отвечают требованиям удмуртского синтаксиса.

В третьей главе «Особенности языка памятников удмуртской письменности XVIII — первой половины XIX века» (с. 120—162) рассматриваются становление и динамика развития удмуртской графики в XVIII — первой половине XIX века — сначала на основе латиницы (материалы Д. Г. Мессершмидта, Ф. Й. Страленберга, Й. Э. Фишера, Г. Ф. Миллера), затем — кириллицы (первые стихотворения, грамматика 1775 г., «краткий вотский словарь» З. Кротова, грамматика М. Могилына и др.).

По данным автора, в памятниках для обозначения удмуртских звуков использовано до 46 графем. Первый текст, написанный с помощью кириллических букв, опубликован в 1769 году. Именно тогда (также см. переводное стихотворение 1782 г.) были заложены основы удмуртской орфографии. В ее формировании решающее значение имела первая удмуртская грамматика 1775 г.

Тщательно исследуя фонетические и морфологические явления, отраженные в памятниках письменности двухвековой давности, Л. М. Ившин выделил некоторые особенности. На уровне фонетики они состоят в следующем: 1) выпадение гласного звука: *ргонь* [rgon] 'красная мѣдь'; 2) прогрессивная ассимиляция гласных по огубленности: *Ринни* [rinni] 'собака'; 3) употребление в первом слоге в позиции перед палатальными согласными *i*: *пизь* [piž] 'мука'; 4) наличие губно-губного щелевого согласного *ɟ*, встречающегося в начале слова перед гласным *a*: *увармай* [ɟartaj] 'тесть'; 5) употребление согласного *v* в позиции между инициальным *k* и последующим гласным *a* или *i* (*ква-/кви-*): *Qvaaka* [kvaka] 'ворона', *Квинь* [kviñ] 'три'; 6) упрощение инлаутной (корневой) консонантной группы *-rCC-* в *-rC-*: *Кускертон* [kuskerton] 'пояс'; 7) наличие в определенных словах носового согласного *ɲ*: *Гырпунг* [gʲɲuŋ] 'локоть'; 8) употребление глухой веларной аффрикаты в инлауте перед со-

гласным *k*: *Вычки* [vʲčki] 'кадка'; параллельное употребление *ï* (*ю*) и *л'* в анлауте перед *Vk(-)*: *люкыско* [lukjʲsko] 'разнимаю' ~ *юкиско* [jukiško] 'раздѣляю, отдѣляю, удѣляю'.

На морфологическом уровне отмечены такие явления: 1) употребление с *j*-овой огласовкой суффикса причастий «настоящего времени», образованных от глаголов I спряжения: *Дурысь* [durjʲs] 'кузнець', показателей формы настоящего времени 1-го л. ед. ч. глаголов I спряжения: *утысько* [utjʲsko] 'лаю' и деепричастия временного значения: *визакыдъ* [vižakjɟd] 'во время твоего поста'; 2) использование суффикса множественного числа *-ïos* после основы на гласный: *киïдсь* [kijos] 'руки'; 3) образование винительного падежа множественного числа имен существительных и некоторых местоимений с помощью суффикса *-ыз*: *соосызь* [soosjz] 'ихъ', *юртъосызь* [jurtʲosjz] 'дома'; 4) отражение особых форм пространственных (приблизительных) падежей с компонентом *ñ*: *аснязь* [asñaz] '[он, она] къ себѣ'.

Автор констатирует, что во многих памятниках присутствуют различные диалектные стихии, а это значит, что ранние письменные памятники удмуртского языка с самого появления способствовали зарождению удмуртского литературного языка.

В разделе «Характеристика лексического состава памятников удмуртской письменности» анализируются лексические особенности памятников исследуемого периода. Л. М. Ившин выделяет 14 тематических групп, к которым относятся слова, подчеркивающие особенности общественной жизни, хозяйства, быта, характерные для удмуртов в XVIII—XIX вв. Кроме того, памятники отразили богатый пласт локальной (диалектной), этнографической, религиозной и устаревшей к нашему времени лексики.

Наибольшую ценность данной главы составляет список отдельных лексических единиц, которые в настоящее время входят в т. н. группу редких и забытых слов удмуртского языка. Таковы, по мнению Л. М. Ившина,

n̄ng-goron 'женщина', *t̄sch̄īúnt̄sch̄i* 'крот', *пужо* 'пестрый', *шукысь* 'память', *бур̄жо* 'зазубринка', *кигирь* 'кулак', *гзюозь* 'берег' и др.

Теоретическая часть завершается заключением (с. 163—167), содержащим выводы по всем трем главам.

К недостаткам исследования нужно отнести следующие:

1. «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы» (1791) по непонятным причинам «приписаны» Г. Ф. Миллеру (с. 13). Известно, что главным редактором этого труда был его земляк П.-С. Паллас.

2. На с. 95: «в словаре 1816 года удмуртская буква *г* (*g*) передается латинской буквой *g*, причем инициальная *г* систематически обозначена русской заглавной *Д*». Аналогичная ошибка наблюдается и у современных исследователей, которые не знакомы с палеографией. Целесообразнее было бы объяснить причину этого смещения.

3. На с. 120: «В дневниках Д. Г. Мессершмидта для записи удмуртских слов было использовано 34 буквы (19 гласных, 15 согласных). Среди них наряду с буквами *a, e, o, u* обнаруживаем такие, как *â, [---] ', æ, [---] ð, ô, ú, û*». Подобное высказывание наблюдаем, когда речь идет и о языковых материалах, записанных Й. Э. Фишером (с. 121). Возникает вопрос: буквы ли это? По нашему мнению, Д. Г. Мессершмидтом и Й. Э. Фишером использована система постановки ударения русской скорописи, т. е. надстрочные знаки акут (´), гравис (˘), камора или перевернутая птичка (ˆ). Акутом обозначалось главное ударение и он ставился всегда внутри слова, грависом отмечалось конечное ударение. Подобный набор знаков наблюдаем и в марийских словниках Г. Ф. Миллера, Й. Э. Фишера и в рукописном марийско-русском словаре 1785 года В. Крекнина и И. Платунова. То же можно сказать и о греческой букве *ε* (с. 71). На наш взгляд, в рукописном словаре Захария Кротова знак *ε*, как и *α* (с. 120), является графической синонимией буквы *e*. Для

скорописи второй половины XVIII века начертание *e* в целом не было характерно, предпочтение отдавалось графеме *ε*.

4. Не всегда убедительно высказывание о том, что «мягкий знак *ь* употребляется для обозначения мягкости согласных [---] в конце слова» (с. 58), тем более когда речь идет о языковых материалах XVIII века. Во многих примерах *ь* и *ъ* графически не различаются. Это прежде всего объясняется тем, что некоторые составители владели скорописным, небрежным почерком.

5. О переводе молитвы «Отче наш» Л. М. Ившин пишет: «перевод этой молитвы на удмуртский язык выполнен неизвестным переводчиком по просьбе Фридриха Аделунга...» (с. 45). Некоторые данные позволяют утверждать, что эта рукопись относится к началу XIX века, автором перевода является «академии студент философии Егор Сатратинский» (по данным Б. И. Каракулова, Егор Сатрапинский).

6. Вне поля зрения автора работы остались работы ведущих финно-угроведов в области исследования памятников письменности и литературного языка, например, по самодийским языкам Е. А. Хелимского, по коми языку З. И. Кузнецовой, по мордовским языкам А. П. Феоктистова. Неоценимую помощь в разработке теоретического материала могли бы дать труды известного финского лингвиста К. Хяккинена.

Работа Л. М. Ившина представляет собой серьезное исследование с обоснованными выводами и результатами. Оно открывает новое направление в изучении памятников письменности удмуртского языка и расценивается как вклад не только в удмуртское языкознание, но и в финно-угроведение в целом.

ОЛЕГ СЕРГЕЕВ (Йошкар-Ола)

Address:
Oleg Sergejev
Mari State University
E-mail: olsemar@rembler.ru